

Е.В. Жижко*

РОССИЯ МЕЖДУ СОБОЙ И ЗАПАДОМ: ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ

Успешное развитие в России западной рыночной экономики (эффективное и не столь болезненное в экономическом и психологическом планах) невозможно без создания новой социально-психологической модели. И Европа, и Америка имели в свое время этическую почву для формирования капиталистического экономического строя. Продолжают иметь ее и сейчас. Находит она свое выражение в протестантской трудовой этике и соответствующих ей ценностных ориентациях.

М.Вебер в работе 1904 года "Протестантская этика и дух капитализма" показал, что европейский капитализм обязан своим происхождением трудовой этике протестантизма, высоко ценившей труд, понимавшей его как делание человека на земле, завещанное ему Богом, причем труд должен был быть честным, упорным, успешным, приносящим прибыль, которая, в свою очередь, должна была направляться не на получение удовольствия или наслаждения, а на развитие своего дела [1]. В 1960 г. Р. Вильямс составил полный перечень главных ценностей американцев [2]. Н.Дж. Смелзер в 1988 г. подтвердил, что за последние 30 лет они практически не изменились. Среди них были следующие:

1. Личный успех.
2. Активность и упорный труд. Озабоченность рациональным использованием времени. Как правило, к тем, кто не работает много и упорно, относятся с подозрением.
3. Эффективность и полезность. Американцы обычно ценят качественные вещи и людей, которые выполняют свою работу быстро и хорошо.
4. Прогресс. Американцы верят, что новое лучше старого. Они с оптимизмом смотрят в будущее.
5. Вещи. Бессчетное количество журналов и телевизионных передач рекламируют дома, большие автомобили и другие материальные знаки шикарного стиля жизни. Они олицетворяют стремление американцев к роскоши.
6. Уважение к науке. Американцы ожидают от ученых решения технологических, медицинских и даже социальных проблем [3, с.98].
7. Как к этим ценностям относятся русские?
8. *"Личный успех"*. Да, успех признается. Но не как следствие активного и упорного труда. По словам В.В.Розанова: *"В России вся собственность выросла из "выпросил", или "подарил", или кого-нибудь "обобрал". Труды собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается"* [4, с. 37]. И еще из Розанова о русском человеке: *"Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы"* [4, с. 37].
9. *"Активность"*. Много высказываний на тему пассивности русского народа можно встретить у Н. Бердяева (например, в "Судьбе России") [5].
10. *"Упорный труд"*. Во-первых, сразу же вспоминаются слова Розанова, приведенные в пункте 1. Во-вторых, удачным примером представляется широко известный рассказ Н.В.Гоголя "Шинель". "Нормальный" в принципе случай он превращает в "русский": упорный труженик, чувствующий себя на своем месте, для окружающих смешон, анекдотичен и жалок. Акакий Акакиевич – традиционно считается в русской литературе "жалким", ничтожным типом. А вот американские читатели, по всей видимости, оценили бы его иначе.
11. *"Американцы обычно ценят людей, которые выполняют свою работу быстро и хорошо"*. Что же касается русских, пожалуй, каждый сам может привести немало примеров обратного.
12. *"Прогресс. Американцы верят, что новое лучше старого. Они с оптимизмом смотрят в будущее"*. Для русских более характерны социальный пессимизм и убеждение в том, что старое – лучше нового.
13. *Вещи. Стремление к благосостоянию*. В России благосостояние считается скорее грехом и следствием греха. Богатым быть грешно. К богатым относятся с подозрением: имеешь хорошие вещи – «воруешь», «берешь взятки», «прихватизируешь народное добро». Наличие собственности (особенно масштабной) не ассоциируется с результатами трудовой деятельности. Кроме того, в России не любят тех, кто выделяется.

* © Е.В. Жижко, Красноярский государственный университет, 2006.

В чем причина столь явного различия в ценностных предпочтениях? Отчасти многие факты российской социокультурной действительности были сформированы в "советский период". Однако в отечественной и зарубежной социологической и художественной литературе можно встретить отдельные замечания о наличии у россиян еще в XIX веке (т.е. в "досоветской эре") некоторых черт, определяемых автором данной статьи как характеристики советских трудовых идеалов [6, с. 151]. В частности это касается героизма и жертвенности, отмечаемых П. Сорокиным [7, с. 33], П. Устиновым [8, с.7-9], Д. Рисманом [9, с. 425], В. Вересаевым [10, с. 85] и некоторыми другими.

Наиболее эмоционально окрашенным и показательным в этом плане представляется отрывок из В.В. Вересаева: "...Наша прямолинейная требовательность, наша ненависть к компромиссам... Это – специально-русская черта, европейцу она совершенно непонятна. Лежит куча кирпичей. Европейец берет из нее, сколько в силах поднять, и спокойно несет к месту постройки. Русский следит за ним с презрительной усмешкой: смотрите, какой филистер, – несет всего дюжину кирпичей! Подходит русский богатырь и взваливает на плечи всю кучу. Еле идет, ноги подгибаются, и он, наконец, падает, – надорвавшийся, насмерть раздавленный нечеловеческой тяжестью. Вот это герой!.. Подходит другой, пробует поднять ношу, и опять-таки, конечно, всю целиком. Но у него не хватает сил. Что делать? Он в отчаянии стоит над тяжелой грудой: он не работник, от – лишний человек, – и пускает себе в лоб пулю. Ведь такое отношение к делу мы видим у нас во всем. У каждого над головою висит альтернатива: либо герой, либо подлец, – середины между этим для нас нет" [10, с. 85].

Отдельные российские типы трудовых идеалов или, по крайней мере, их отдельные характеристики не были сформированы коммунистической идеологией, возникли в России до ее распространения и даже частично послужили основой для построения системы "советских ценностей", т.е. фактически являются российскими базовыми ценностями. А поскольку базовые ценности кристаллизуются прежде всего в религиозных верованиях, то следует обратить свой взгляд на православие – наиболее распространенное в России религиозное учение, его специфику и отличия от других христианских направлений.

Начиная с IV века нашей эры, этика христианства постепенно достигла главенствующего положения в обществе и культуре западных стран, которое оставалось неоспоримым вплоть до XIII века. Ее принципы широко известны. В самом чистом виде они обобщены в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Центральное положение христианской этики – всеобъемлющая, всепоглощающая и всепроникающая любовь Бога к человеку и человека к Богу. Из этой характерной черты христианской этики следовала средневековая оценка всех ценностей чувственного мира – богатства, наслаждения, полезности, чувственного счастья – оценка отрицательная или равнодушная: "Тот, кто любит Христа, равнодушен к миру сему".

Это отношение подчеркивалось средневековым монашеством и аскетизмом, воззрением на жизнь как всего лишь на мучительную подготовку для перехода с грешной земли в вечный град Божий: "Проклята земля за тебя. Со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей, тернии и волчцы произрастят она тебе, и будешь питаться полевой травою; в поте лица будешь есть хлеб свой, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят" [11].

Изначально христианство как более или менее цельное, однородное направление имело столь же цельное и однородное отношение к трудовой деятельности человека, ее основам и результатам. Это первоначальное ценностное отношение нашло свое выражение в библейских текстах. "Ленинский трудовой принцип": "Кто не работает – тот не ест" – практически дословный пересказ слов апостола Павла: "Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь" [12]. "Не прилепляйтесь к таким людям, которые не умеют доставать себе пищу трудом и потом," – предостерегал апостол Варнава [13]. "...Если он ремесленник, пусть трудится и ест. А если не знает ремесла, то вы позаботьтесь о нем, но так, чтобы христианин не жил среди вас праздным. Если же он не желает так поступить, то он христопродавец. Остерегайтесь таковых!" – сказано в Учении двенадцати апостолов [14]. Но богоугодным объявляется лишь тот труд, который не направлен к личному обогащению, материальной выгоде, самопрославлению или жажде власти.

Труд, превращенный в религиозное служение, совершенный ради любви к Богу и ближнему, направленный на раскрытие данного Богом таланта, на совершенствование и воспитание души признается в христианстве безусловно благим трудом, угодным Богу деланием человека на земле. Напротив, труд, целью которого является только самоутверждение, самодостаточный труд ради труда, труд, являющийся средством удовлетворения разного рода страстей, гордыни, тщеславия, самопревозношения и прочее, признается в христианстве суетным, лишенным смысла, а иногда и просто пагубным для души [15, с. 58].

Трактовка понятий "богатство", "богатый" в евангельских текстах однозначно отрицательная: "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит" [16]; Бог "исторгнет... из земли живых" того, кто "не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего" [17]. Все материальное признается бедным и немощным, духовное – богатым и сильным: "Для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя ими?" – вопрошает апостол Павел [18].

Богатый – страшный грешник, Царство Божие не для него: “Трудно богатому войти в Царство Небесное. Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие” [19] и “Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете” [20].

Проблема взаимоотношений богатства и религиозной веры в жизни отдельно взятого человека ставится в форме категорического императива: или-или. “Никто не может служить двум господам: ибо одному станет усердствовать, а другому не радеть. Не можете служить Богу и маммоне” [21]. А в конечном итоге – “Без удаления от мира никто не может приблизиться к Богу” (Исаак Сирий). Или – “Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною”, – так говорил Иисус богатому юноше [22].

Евангельская концепция развития экономики, обобщенная В. Симоновым [23, с. 81] выглядит следующим образом:

1. Основная цель христианина в земной его жизни – попечение о спасении души. Поскольку этот мир конечен, чисто хозяйственные проблемы специально Христа не занимают.
2. Хозяйственной деятельности дается весьма определенная морально-этическая оценка. Собственность и богатство рассматриваются с точки зрения их праведности/неправедности возникновения и использования.
3. Для тех, кто “от мира сего”, хозяйственный процесс – нормальное явление, но не должен стать препятствием к спасению души.
4. Благотворительность – одно из условий спасения души вообще и богатых в особенности: не жертвуя на дела благие, богатые неизменно обречены на потерю Царства Божия.

Сохранив нечто общее в качестве первоначальной основы, христианство распалось на несколько самостоятельных направлений, каждое из которых начало по-своему трактовать библейские тексты, вести богослужение и, в свою очередь, по-своему относиться к труду.

Так, католицизм стремился преобразовать “первородногрешного” человека посредством внешнего воздействия – через образование, культуру, дисциплину. Чем образованней человек, тем выше его ценность и тем ближе он к Богу. Быть простым монахом-работником стало “непрестижно”, поэтому явно начала прославившаяся тенденция к “повышению культурного и образовательного уровней”. У католических монахов образованные доминиканцы учились по 25 лет для того, чтобы войти в руководство ордена [15, с. 75]. Современная Европа – архитектурно привлекательная, культурно развитая, образованная и пунктуально-функциональная – во многом обязана своим обликом, стилем и духом жизни трудовой этике католичества и трем её «китам»: образованию, культуре и дисциплине.

Однако длительное время труд воспринимался католиками только как орудие спасения: занимая тело и ум, он был призван отгонять греховные искушения. Лишь в 18 веке труд для католиков (первоначально для иезуитов) стал ценностью: начиная с этого времени, хороший труд понимается как миссия, которую Господь доверил человеку на земле.

Для католицизма чрезвычайно важным являлось строгое сословное деление: на верхней ступени – образованные монахи и монархи, на низшей – актеры, акробаты, проститутки, колдуны и бродяги. Но чем выше человек, тем выше его ответственность и тем больше с него спросится.

Очень важно “удержаться” в своем сословии. На протяжении многих веков главной добродетелью считалась верность своему сословию и своей профессии. На исповеди спрашивалось не только о греховных мыслях, побуждениях и деяниях, но и добросовестности исполнения социальных и профессиональных обязанностей. Халтурщик сразу же выпадал из своего “сословия” или “ордена” [15, с. 66-67]. К тому же большинство монашеских орденов не были чисто созерцательными, они занимались разнообразной гуманной деятельностью: забота о больных и бездомных детях, освобождение пленных, основание университетов и образовательных центров.

Тем не менее, догматы ортодоксального католицизма о загробной жизни ставили перспективы райского блаженства или адских мук в прямую зависимость от отношений с церковью [24, с. 33]. Католику было необходимо неукоснительно выполнять многочисленные церковные ритуальные предписания (молитвы, посты, паломничества к святым местам) и делать материальные пожертвования. Более того, в определенный период католическая церковь дошла до продажи индульгенций: можно было за весомые финансовые жертвования купить прощение существенных грехов.

Основываясь на новозаветном уничижительном отношении к деньгам как средству обогащения (“просящему у тебя дай”, “от хотящего занять у тебя не отвращайся” и “от взявшего твое не требуй назад” [25, с. 75]), католичество не признавало ростовщичества и только к концу XIX века отказалось от оппозиционного отношения к буржуазному сословию.

Современный католицизм открыто признает позитивность прибыли. В Окружном Послании Иоанна Павла II (1991) говорится следующее: “Церковь признает законной функцию прибыли как показателя нормального хода дел..., прибыль – это регулятор жизни предприятия, хотя и не единственный, его следует дополнять рассмотрением других человеческих и нравственных факторов”.

Возникновение другого типа христианства – протестантизма связано с именем М. Лютера. Лютер, считая недостаточным предписываемый католицизмом путь спасения через "добрые дела" (молитвы, пост, паломничества к святым местам, пожертвования церквям и монастырям и пр.), пришел к учению об "оправдании верой": вера – единственное условие спасения души; добрые дела – лишь плоды и проявления веры, а не самодостаточный путь к спасению. По убеждению Лютера, человек достигает спасения только посредством веры, которая даруется ему непосредственно Богом, следовательно, нет принципиальной разницы между мирянами и духовенством. Каждый христианин обладает всей полнотой божественной благодати и через таинство крещения обретает священство, поэтому церковь не является необходимым посредующим звеном между человеком и богом. Каждый сам должен без внешних предписаний и ограничений свободно упражняться в благочестии. Сан священника дается по воле общины верующих и ею же может быть отнят. Духовная власть ничем не отличается от светской и так же, как она, должна быть подчинена государству [26, с. 331].

Протестантизм отверг монашество как идеальный образ религиозного служения. Развивая учение о всеобщем священстве, он возвращал мирской жизни и государству их "божественное достоинство", объявлял всю мирскую деятельность человека его священнослужением. Осуждение монашества, безбрачия духовенства связано с представлениями о том, что не в бегстве от "мира", а в "мирской" своей деятельности должен искать человек пути спасения и служения Богу.

Дальнейшее развитие протестантского религиозного направления было тесно связано с именем Жана Кальвина. Кальвин наиболее последовательно развил учение об "абсолютном предопределении", которое является основой всей протестантской теологии. По Кальвину, Бог еще до сотворения мира предопределил одних к спасению, других – к гибели. Никакие усилия человека не могут изменить этого, но каждый должен быть уверен, что он – "божий избранный". Успех в профессиональной деятельности – признак, подтверждающий богоизбранность. Профессия выступает как призвание, место служения Богу, поэтому профессиональный успех становится самоценностью, а не средством достижения мирских благ, но не должен дополняться мирским аскетизмом [27, с. 184-185].

Кальвин придал протестантизму универсальный характер (в противоположность чисто немецкому характеру лютеровской реформации), много сделал для утверждения республиканских принципов организации церковной жизни. "Церковные установления" Кальвина стали основой построения кальвинистских общин в других странах, нередко выступавших затем в роли раннебуржуазных политических организаций.

Вспомним М. Вебера, доказывавшего, что капитализм получил мощный толчок к своему развитию вследствие появления в XVI веке новой религии – протестантизма, ставшего духовным источником нового экономического строя. Протестанты считали, что главная задача человека на земле – реализация своего призвания, продиктованного свыше. И успех в его выполнении – основной признак божественного благоволения. Именно труд, профессиональная деятельность стали для них главным смыслом своего существования.

Протестантизм представляет собой реформированное христианство. Католицизм негативно относился к богатству. Помогать бедным и убогим, подавать милостыню нищим считалось богоугодным делом. Предаваться молитвам в тишине монастырских келий было более престижным занятием, нежели в поте лица своего добывать хлеб насущный. Напротив, протестанты считали, что главная задача человека на земле – реализация своего призвания, продиктованного свыше. И успех в его выполнении – основной признак божественного благоволения. Именно труд, профессиональная деятельность стали для них главным смыслом своего существования. И если католик мог предаваться греховным наслаждениям, а затем купить себе божье прощение, индульгенцию у священника, то протестант вкладывал свои деньги в расширение дела: чем лучше оно шло, тем больше шансов на спасение души [28, с. 52]. Кроме того, одним из центральных понятий протестантской этики является "мирской аскетизм": строгое следование религиозным заповедям в обыденной жизни, как если бы человек жил в монастырском уединении.

"Раннее и средневековое христианство провозглашало богатство источником вечных мук: умение делать деньги – *summae periculosae* (главная опасность), выгоду – *turpe lucrum* (постыдная польза), одалживание денег – тяжким преступлением, богатого человека – первым кандидатом на проклятие, которому труднее будет войти в царство Бога, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко... Но Реформация и Ренессанс изменили эту точку зрения. По воскресеньям пуританин верит в Бога и Вечность, в будни – в фондовую биржу. По воскресеньям его главная книга Библия, в будни гроссбух становится его Библией", – писал П.А. Сорокин [29, с. 491-492].

Православие же, с точки зрения протестантской трудовой этики, – наиболее архаичный и регрессивный вид христианства. Православием труд представляется как наказание, расплата, следствие греха; гипертрофированны аскетизм и культ святых, стремление сделать монашеские нормы общецерковными; богатство – грех, а бедность – добродетель.

Православие более, чем какое либо другое направление христианства, несет в себе идею равенства: все люди – потомки Адама, все уже по своему рождению равны перед Господом, и поэтому все действия, направленные на доказательство своей богоизбранности ("добрые дела" – у католиков, "профессиональный успех" – у протестантов) считаются в данном случае вообще излишними.

Большое значение придается образу Иисуса Христа. Подражание Христу у православных монахов, по мнению Т.Б. Коваль, носит прежде всего внешний характер – умаление себя, социальное опрошение, утрата своего культурного уровня, возникает образ “невежественного мудреца” (120, с. 73).

Необходимо отметить, что данная точка зрения, безусловно, имеет противников как среди представителей клира [30], так и среди светских мыслителей. Например, Г.П. Федотов считает, что «...палестинское монашество было нашей школой спасения: без крайностей аскезы египетского или сирийского, но в то же время достаточно суровое для того, чтобы “усмирить” гипертрофированный “материализм” русского язычества» [31, с. 55].

Труд в современном православно-церковном понимании наиболее всего близок к евангельскому толкованию. В одном из своих интервью Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II сказал, что труд – “это как раз то, чем всем нам сегодня больше всего надлежит заниматься. Добросовестный физический, а равно и духовно-нравственный труд на тех местах, где мы поставлены волею Божией, – в этом наше общее спасение. Желая всем, чтобы труд для них был не тяжелой обязанностью, а нравственной необходимостью” [32].

Если сравнить типологию трудовых моделей советского и постсоветского периодов с типологией имен святых русской православной церкви, то окажется, что типологии схожи, между именами российских святых и персонифицированными советскими идеалами существует генетическая взаимосвязь.

Советский идеал “героической мученической смерти” (например, Зоя Космодемьянская или генерал Карбышев) – явление не уникальное, не новое для России, это “светское” продолжение моделей житий святых русской православной церкви. Это – самая распространенная модель в типологии имен святых. Она продолжает доминировать и в наши дни: святые, канонизированные православной церковью в конце 1994 года, относятся именно к этой модели; не случайно ставился вопрос о канонизации Зои Космодемьянской. В светской жизни воспроизводство модели героической мученической “святой” смерти также продолжается: многие газетные статьи о событиях в Чечне способствуют распространению в массовом сознании именно этой модели.

Православие и протестантизм имеют разные подходы к определению богоизбранности человека. Для протестантизма, если человек много работает, и есть результат, значит, с ним Бог. Для православия, если человек ничего не делает (кроме свершения молитв, и то только в половине случаев), и вдруг – результат, это означает, что он избран Богом.

Собственно трудовых моделей в житиях святых практически нет. Несмотря на то, что в реальной (в том числе и монашеской) жизни они, безусловно, присутствовали, в фольклорном же религиозном сознании, в житиях святых трудовые модели почти не закрепились.

Одной из причин этого явилось православное отношение к труду: монах, ищущий духовного совершенства, на начальном этапе своего пути превращает труд в средство духовного воспитания и укрощения плоти, но затем оставляет трудовую деятельность как таковую и целиком предается созерцанию.

В связи с обращением внимания на трудовые идеалы русского монашества нельзя не упомянуть идеи А. Мещерякова, высказанные по этому поводу. Этот исследователь, напоминая, что основной праздник западного христианства – Рождество, а восточного – Пасха, пишет: “Смертию смерть поправ”, – поют в церкви на Пасху. В этом стихе – ключ к самопониманию. Во время службы происходит ритуальная самоидентификация верующего с героем мистерии и формируется психотип самопожертвования, когда собственная жизнь приносится в жертву ради будущего, ради других, ради другого – метафизически большего и важнейшего... Русь отчасти восприняла западногерманский идеал мученичества, но восприняла своеобразно. Русь практически не знала преследований за христианство... Но, тем не менее, мученическая (т.е. насильственная) смерть стала осмысляться сама по себе как акт героический, имеющий некий положительный смысл... Ибо если бы не беда – не было б венца, если б не мука – не было б благодати” [33, с. 41].

Таким образом, “Молиться и трудиться” призывает христианина Православие. “Трудиться и молиться” – учит Католицизм, а Протестантизм полагает, что “Труд и есть та же молитва” [15, с. 58].

Несмотря на 70-летнее вытеснение православия на периферию общественной жизни, некоторые его этические элементы хорошо сохранились в массовом сознании и непрестанно выявляются в ходе социологических опросов.

Именно в православии видел причину “прозябания” России “ранний” Чаадаев: “В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу”, ибо мы стоим “в стороне от общего движения, где развивалась и формулировалась социальная идея христианства” [34, с. 267]. Отгороженность от внешнего мира, “домашность” православного христианства на Руси, считал Чаадаев, не способствует, в отличие от расширительно-деятельного религиозного строя на Западе, активно-поступательному развитию общества. Отсюда, по его мнению, и берет начало тусклое и мрачное существование России на протяжении всей ее истории.

Подобные мысли высказывали В. Розанов: “Корень вещей: Мы поклонились религии несчастья. Дивно ли, что мы так несчастны” [4, с. 436] и С. Булгаков [35]. Известны также и противники этой точки зрения: “поздний” С. Булгаков [36], Н.Я. Данилевский [37], К.Н. Леонтьев [38; 39]. Н.Я. Данилевский считал, что борьба с Западом – единственное спасительное средство для излечения русских культурных недугов, а также некая объединяющая платформа для славянских народов. “Всякого рода сношения наши с нею [с Евро-

пой] неизбежно должны быть близкие; они только не должны быть интимными, родственными, задушевными. В политическом отношении не может быть другого правила, как око за око, зуб за зуб" [37, с.441]. Противостоят враждебным попыткам Запада растворить славянство в европействе, защитить и объединить славян, сохранить и развить свою самобытность, культуру, традиции – такова, по мнению Данилевского, историческая миссия России.

К.Н. Леонтьев резко отрицательно относился к Западу, прогрессу, ведущему к росту материального богатства, к уравниванию прав и состояний. Восставая против западного прогресса, Леонтьев призывал “подморозить” Россию, требовал сохранить и укрепить российское жестко сословное государство и монархическое правление, выступал за суровый аскетизм как противовес “пошлому благополучию”. Запад, Европа ничему хорошему Россию научить не могут. Европа для России может дать лишь один пример – пример для неподражания. Если же искать поучительный пример, то на Востоке. Там яркая, самобытная жизнь, романтизм, колоритные национальные стихии. Да, на Востоке много порочного и ужасного, но это лучше, чем западные индустрия и рациональность. Леонтьев писал: “Я часто думаю, что все эти мерзкие личные пороки (невыдержка, легкомыслие и т.п.) наши очень полезны в культурном смысле, ибо они вызывают потребность деспотизма, неравноправности и разной дисциплины, духовной и физической, страха Божия и страха человеческого, религии и самодержавной власти; эти пороки делают нас мало способными к той буржуазно-либеральной цивилизации, которая до сих пор еще так крепко держится в Европе” [39, с.74].

В настоящее время православная официальная иерархия по большей части, как отмечает Ю.Л. Куриков, “сосредоточилась на опасности расколов и экспансии конфессий и сект западного происхождения, но существует также опасность реванша практического материализма после крушения материализма догматического – в ситуации “возврата к капитализму”, при всеобщем разочаровании в идеологии и низвержении проповедовавшихся в ней на квазихристианский манер ценностей, связанных с отказом от наживы и собственности” [40, с. 39]. А это уже из области “глубинного” влияния на российскую жизнь языческих традиций. В самом деле, в ряде исследований, особенно зарубежных, делается упор на “негативность” влияния не православия, а язычества, сохранившегося под его покровом (А. Shmemann [41], G.W. Florovsky [42], Ch.J. Halperin [43], Т.Б. Коваль [15], Ю.С. Пивоваров [44]).

Автор данной статьи не берется в ее рамках решать: столь ли “пагубно” влияние православия для России, так ли ошибочен его выбор Древней Русью. Можно лишь с большой долей уверенности констатировать два факта:

1. Существующая в современной России этика труда стимулирует слабую деятельностную мотивацию, не создает этической основы для развития рыночных отношений западного типа;
2. Российские социально-экономические преобразования 1990-2000 годов практически не учитывали специфику отечественной социокультурной модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990. С. 32-54.
2. Williams R. American society: A sociological interpretation / R. Williams. N.Y.: Knopf, 1960.
3. Smelser N.J. Sociology / N.J. Smelser. University of California, Berkley, 1988.
4. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. М.: Политиздат, 1990.
5. См. подробнее: Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. М., 1990.
6. Жижко Е.В. Трудовая этика в контексте российской экономической реформы / Е.В. Жижко // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 6.
7. Сорокин П.А. О русской нации / П.А. Сорокин. М., 1994.
8. Бессонов Б.Н. Судьба России: взгляд русских мыслителей / Б.Н. Бессонов. М., 1993. 524 с.
9. Riesman D. Some Observations on the Limits of Totalitarian Power / D. Riesman // Individualism Reconsidered. London, 1954.
10. Вересаев В.В. На повороте / В.В. Вересаев // Собр.соч. в 4 т. Т.2. М., 1985.
11. См.: Быт., 3, 17-19.
12. См.: II Фесс., 3, 10.
13. См.: Учение апостола Варнавы. X.
14. См.: Учение двенадцати апостолов. XII, 3-5.
15. Коваль Т.Б. Православная этика труда / Т.Б. Коваль // Мир России, 1994. № 2. Т. 3.
16. См.: Мф. 16:26.
17. См.: Пс. 51:7, 9.
18. См.: Мф. 22:5.
19. См.: Мф. 19:23, 24.
20. См.: Лк. 6:24, 25.
21. См.: Мф. 6:24.
22. См.: Мф., 19, 21-24).
23. Симонов В. Экономические проблемы в новом завете / В. Симонов // Вопросы экономики. 1993. № 8.

24. Суперфин Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире (тенденции западного опыта) / Л. Суперфин // Вопросы экономики. 1993. № 8.
25. См.: Мф. 5:42, Лк. 6:30.
26. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
27. Христианство: Словарь. М., 1994.
28. Немировский В.Г. Введение в теоретическую социологию. Универсумная парадигма / В.Г. Немировский. Красноярск, 1991.
29. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. М., 1992.
30. Например: Алексей II, Патриарх Московский и Всея Руси. Спасемся трудом своим / Алексей II // Труд. 1991. 29 ноября; Егоров А. Заповеди предпринимателя. Взгляд с православной точки зрения / А. Егоров // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Томск, 1995. С. 78-79; Иоан (митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский). Судьбы православия в современном мире / Иоанн // Москва. 1993. № 4. С. 204-208; Кирилл (митрополит Смоленский и Калининградский). Возрождение Православия и обновление России / Кирилл // Бежин луг. 1994. № 1. С. 106-112; Кураев А., диакон. Нравственное богословие посттоталитарной эпохи / А. Кураев // Столица. 1992. № 20. С. 13-15; Хараим Л.М. Православие и рынок / Л.М. Хараим, Ю.С. Нехорошев // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Томск, 1995. С. 9-13.
31. Федотов Г.П. Святые древней Руси / Г.П. Федотов. М., 1990.
32. Алексей II, Патриарх Московский и Всея Руси. Спасемся трудом своим / Алексей II // Труд. 1991. 29 ноября.
33. Мещеряков А. Российский мартиролог / А. Мещеряков // Родина. 1993. № 10.
34. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. М., 1989.
35. Булгаков С.Н. Два града. Об общественном идеале / С.Н. Булгаков. Сб. ст. Т. 1. М., 1911.
36. Булгаков С.Н. Христианство и социализм / С.Н. Булгаков // Социологические исследования. 1990. № 4.
37. См., например, Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. М., 1991. С.23-25, 39, 44-45, 48-53, 58-63, 254-258, 263-268, 274-275, 400-402, 528-529.
38. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / К.Н. Леонтьев // Избранное. М., 1993. С. 119-168.
39. Леонтьев К.Н. Собр.соч.Т.5. Восток, Россия и славянство / К.Н. Леонтьев. М., 1912. С. 11-13, 16-19, 28-29, 42-43, 114-118, 136-137, 144-145, 249-250, 252-255.
40. Курикалов Ю.Л. Кризис и возрождение христианства в России // Преображение. 1994. Вып. 2. С. 35-43.
41. Shmemann A. The historical roads of Eastern Orthodoxy / A. Shmemann. L., 1963.
42. Florovsky G.W. The roads of Russia theology / G.W. Florovsky. Cambridge etc., 1977.
43. Halperin Ch.J. Nyt Russian land and Russian Tsar: the emergence of Moscovite ideology, 1378-1408 / Ch.J. Halperin // Forschungen zur Osteuropa Geschichte. Bd. 21. H. 2. B., 1976.
44. Пивоваров Ю.С. Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских реформ // Мир России. Т. 2. N 1, 1993. С. 184-212.

Е.В. Жижко, Н.В. Мыльникова*

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ РОССИЯН, ИЩУЩИХ РАБОТУ, НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

В данной статье отражены результаты работы по проекту «Государственная служба занятости и частные кадровые агентства: сегментация рынка труда и возможности социальной защиты» (2000, № 112/2-00-И). Поддержка данного проекта была осуществлена Московским Общественным Научным Фондом за счет средств, предоставленных Агентством по Международному Развитию Соединенных Штатов Америки (USAID).

Реформирование российской экономики породило ряд социально-экономических проблем, одна из которых безработица – достаточно новое, непривычное явление для российской социально-экономической жизни, к тому же имеющее для массового сознания россиян отрицательный эмоционально-оценочный акцент как факт "загнивающей" экономики, которая бывает "только у них, а не у нас".

В то же время для специалистов (как экономистов, так и социологов) безработица – это неотъемлемый элемент рыночного хозяйства (ресурс рабочей силы или превышение предложения рабочей силы над спросом на неё, что полезно для работодателей, поскольку косвенно способствует укреплению дисциплины и улучшает отношение к труду) [1; 2; 5; 6; 7]. В результате экономических реформ заметно повысилась мо-

* © Е.В. Жижко, Н.В. Мыльникова, Красноярский государственный университет, 2006.